

Яковлева Виктория Дмитриевна

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-Х ГОДОВ: ОСОБЕННОСТИ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА**

В статье анализируется проблема эквивалентности текста перевода оригиналу с точки зрения смысловой и формально-эстетической структур. Особое внимание автор акцентирует на выявлении и классификации переводческих интерпретаций, которые являются неизменными элементами переводческого стиля и обусловлены, прежде всего, национальной самоидентификацией переводчика. Трансформационные действия определены как субъективные и объективные.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/60.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 214-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абозин И.** Птицеводство // Россия в конце XIX века. СПб.: Типография Брокгауза и Ефрона, 1900. С. 211-217.
2. **Высочайше утвержденные Правила об охоте:** Мнение Государственного Совета № 8301, Высочайше утвержденное 3 февраля 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Государственная тип., 1899. Собрание III. Т. XII.
3. **Высочайше утвержденный Устав Бобруйского военного охотничьего общества:** Высочайшее повеление, объявленное Военным министром, № 11874 от 20 июня 1895 г. // ПСЗРИ. СПб.: Государственная тип., 1899. Собрание III. Т. XV.
4. **Высочайше утвержденный Устав Кубанского общества правильной охоты:** Положение Кабинета министров № 11318 от 27 января 1895 г. // ПСЗРИ. СПб.: Государственная тип., 1899. Собрание III. Т. XV.
5. **О принятии Его Императорским Высочеством, великим князем Александром Михайловичем Кронштадтского общества любителей охоты под свое Августейшее покровительство:** Высочайшее повеление, объявленное Министром земледелия и государственных имуществ, № 11616 от 1 мая 1895 г. // ПСЗРИ. СПб.: Государственная тип., 1899. Собрание III. Т. XV.
6. **О принятии Его Императорским Высочеством, великим князем Николаем Николаевичем Томского общества правильной охоты под свое Августейшее покровительство:** Высочайшее повеление, объявленное Министром земледелия и государственных имуществ, № 12382 от 8 января 1896 г. // ПСЗРИ. СПб.: Государственная тип., 1899. Собрание III. Отд. I. Т. XVI.
7. **О принятии Его Императорским Высочеством, великим князем Сергеем Александровичем Московского общества охоты под свое Августейшее покровительство:** Высочайшее повеление, объявленное Министром земледелия и государственных имуществ, № 11399 от 20 февраля 1895 г. // ПСЗРИ. СПб.: Государственная тип., 1899. Собрание III. Т. XV.

**HUNTING REGULATION LEGAL ASPECTS IN RUSSIAN EMPIRE
IN THE LAST QUARTER OF THE XIXTH CENTURY****Marat Ryakhimovich Chapayev***Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation**marat.chapayev@mail.ru*

The author considers the peculiarities of hunting state-legal regulation in the Russian Empire in the last quarter of the XIXth century and pays special attention to the environmental protection measures of state authorities, the legislative consolidation of the new approaches to wild animals' acclimatization and domestication and to the legal aspects of hunting societies' activity.

Key words and phrases: hunting; regulation; hunting societies; animals' acclimatization; nature protection; Russian Empire.

УДК 82.091

В статье анализируется проблема эквивалентности текста перевода оригиналу с точки зрения смысловой и формально-эстетической структур. Особое внимание автор акцентирует на выявлении и классификации переводческих интерпретаций, которые являются неизменными элементами переводческого стиля и обусловлены, прежде всего, национальной самоидентификацией переводчика. Трансформационные действия определены как субъективные и объективные.

Ключевые слова и фразы: художественный перевод; эквивалентность; творческая интерпретация; смысловая и формально-эстетическая структура текста.

Виктория Дмитриевна Яковлева, к. филол. н.*Сектор литературоведения**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера**Сибирское отделение Российской академии наук**Vikt80@mail.ru***ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-Х ГОДОВ:
ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА[©]**

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Художественный перевод является не только результатом диалога культур, но и явлением межкультурных противоречий, противостояний. Как отмечает Ю. Л. Оболенская: «Воспринимая текст чужой культуры,

мы невольно сопоставляем его со своим опытом, обогащая его новыми смыслами, давая ему, таким образом, новую жизнь в новом времени и пространстве» [8, с. 17].

Диалог культур, т.е. межкультурное взаимовлияние, проявляется в освоении национальной литературой посредством перевода иных художественно-эстетических традиций. В этом плане актуальной становится проблема эквивалентности текста перевода оригиналу. Степень эквивалентности поэтического перевода по отношению к оригиналу определяется по двум компонентам текста: смысловой структуре и формально-эстетической стороне. Высший уровень достижения эквивалентного перевода является доказательством наилучшего освоения переводчиком поэтических особенностей исходного текста.

Наряду с теоретическим понятием эквивалентности исследователи перевода в рамках проблем межкультурной коммуникации зачастую затрагивают вопрос о несовпадении культурных представлений, понятий. Это проявляется, когда в связи с неоднородностью стилистических систем разных языков (исходного и переводимого) у переводчиков особые затруднения вызывает перевод художественных средств и приемов, составляющих индивидуальный стиль автора. Поэтому определение эквивалентности перевода по отношению к оригиналу должно закономерно совмещаться с учетом творческой самобытности не только автора оригинала, но и переводчика. Авторская интенция переводчика предполагает наличие в тексте перевода некоторых «отступлений» (трансформаций), интерпретаций, без которых невозможен практически любой художественный перевод. В. Н. Комиссаров считает, что с помощью переводческих трансформаций «можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. И поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [4, с. 172]. Трансформации являются неизменными элементами переводческого стиля. Важную роль при этом играют особенности национального мировидения, определенный культурный контекст, явления эпохи и т.д. Таким образом, происходит своего рода межкультурное противоречие, так как и текст оригинала и текста перевода отражают, прежде всего, свою национальную специфику.

Исходя из преобладающих причин обращения переводчика к трансформациям, отклонения в художественном переводе можно классифицировать как субъективные и объективные.

На становление якутской литературы, на формирование поэтического стиля, мастерства ее основоположников повлияли как социально-историческая специфика эпохи, так и основные направления развития национальной поэзии: обращение к традициям фольклора, национальной поэзии, к опыту русской и мировой литературы. Еще в начале XX века стремление к новаторским поискам в области формы и содержания привело основателей якутской поэзии к переводческой деятельности. В их творчестве наблюдается, в основном, практика вольных переводов. Они руководствовались целью передать содержание оригинала в соответствии с эстетическими возможностями «своего» читателя, с традициями родной литературы и языка.

Особое место в создании вольных переводов принадлежит основоположнику якутской литературы А. Е. Кулаковскому, который в 1908 году впервые познакомил якутских читателей с творчеством М. Ю. Лермонтова. Так, в газете «Якутская жизнь» (1908. 24 апреля) он под псевдонимом Акула публикует изложение содержания поэмы «Демон» и дает вольный перевод «Клятвы Демона».

Перевод «Клятвы Демона» уже подвергался критическим оценкам многих якутских исследователей, из них следует общепризнанный вывод, что А. Е. Кулаковский в перевод произведения классика русской поэзии вносит свое индивидуальное стилистическое начало, находящееся в тесной связи с фольклорной поэтикой. Об этом писали Г. С. Сыромятников [10], З. К. Башарина [2], Н. В. Покатилова [9], П. В. Максимова [7] и др. Каждый из исследователей дает свою характеристику и оценку переводу А. Е. Кулаковского и более или менее отчетливо показывает отклонение якутского перевода от оригинала.

Основная и заключительная части поэмы М. Ю. Лермонтова сокращены и переведены А. Е. Кулаковским в прозе, смысл и содержание которых он излагает в соответствии со своим замыслом. В стихотворной форме дается собственно клятва Демона. Изложение содержания поэмы, несмотря на сохранение его основной сути, является своего рода собственным творчеством переводчика, выходящим за границы перевода. А. Е. Кулаковский в своем переложении-повествовании соотносит его с эстетическими возможностями якутского читателя, опираясь на традиции якутского эпического произведения – олонхо. Так, образ Демона в соответствии с якутской мифологией трансформируется в «абаасы» (злой дух), а «грешную землю» М. Ю. Лермонтова А. Е. Кулаковский изменяет в «Орто дойду», также ориентируясь на культурные представления своего народа. Это было попыткой переводчика приблизить непонятные для носителей якутского языка явления и описания к знакомым им реалиям.

При переводе А. Е. Кулаковский не сохраняет строгую причинную обусловленность и хронологическую последовательность эпической канвы поэмы М. Ю. Лермонтова. Так, из сюжетной основы текста оригинала опущены драматические сцены убийства жениха Тамары, горе семьи Гудала и авторское отступление в конце поэмы. Якутский поэт сосредоточил свое внимание на эпизодах, повествующих о смятении и муках Тамары, терзаемой соблазнами Демона, о ее попытке найти спасение в монастыре. О трагизме борьбы Тамары со своим влечением свидетельствует воссозданное в тексте перевода ее обращение к Демону, которое в определенной степени напоминает традиционную для якутского фольклора песню-плач. После краткого диалога с Тамарой Демон дает ей клятву, при переводе которой А. Е. Кулаковский стремился передать не только содержательную сторону текста оригинала, но и собственно структуру главного образа.

Приступим к анализу самого текста поэтического перевода «Клятвы Демона», который сам А. Е. Кулаковский определил как «вольный перевод».

При переводе «Клятвы Демона» М. Ю. Лермонтова А. Е. Кулаковский пользуется традиционными для фольклорной традиции стихотворными формами и изобразительными средствами. Собственно строение образа Демона, показанное в сложных неразрешимых противоречиях, в диалектике доброго и злого начала, было новым и оригинальным для якутского поэта в плане творческого осмысления. Если раньше в якутской художественной традиции при отображении противоречий действительности, как правило, добро и зло, истина и ложь, положительное или отрицательное изображались в антагонистических образах, то через освоение опыта русской поэзии образ противоречивого Демона стал открытием для якутской поэзии начала века.

В период становления якутской литературы «Абааһы андаҕара» («Клятва Демона») якутского поэта как первый опыт переводческой практики, заметно окрашенный, трансформированный субъективно – в смысле образности, композиции, стиха и т.д. – является достаточно далеким от произведения М. Ю. Лермонтова. При этом отклонения от текста оригинала мы можем классифицировать как субъективные, т.е. обусловленные, прежде всего, творческими принципами самого переводчика и восходящие к избранной им стратегии: адаптация для якутских читателей того времени, внедрение образов, фоновых реалий в соответствии с их мифологическими представлениями.

При переводе происходят преднамеренные отступления от формально-эстетической структуры оригинала, вызванные стремлением якутского поэта идентифицировать собственную культурную традицию. «Клятва Демона» М. Ю. Лермонтова написана свободной строфикой и четырехстопным ямбом. Перевод же А. Е. Кулаковского сохраняет формальные особенности якутского фольклорного стиха: аллитерационный стих, однородность синтаксических конструкций, последовательность описания с использованием параллелизмов, пышных эпитетов, повторов.

А. Е. Кулаковский стремится подобрать столь же многозначные и содержательные якутские слова, в целом подводящие тот же смысловой и тематический итог как у М. Ю. Лермонтова. При этом поэт допускает некоторые отклонения, руководствуясь объективной причиной: подбирать слова в соответствии с национальной аллитерационной формой стиха, которую он использует при переводе.

Перевод клятвы А. Е. Кулаковского отдалается от поэтической формы оригинала в плане расширения смысла исходного текста за счет использования фольклорных средств. Например, одно выражение «Клянусь блаженством и страданьем» увеличивается у А. Е. Кулаковского на несколько строк. При этом переводчик вкладывает в эти строки дух собственной художественной традиции, основанный, прежде всего, на ритмико-синтаксическом параллелизме стиховых рядов наряду с аллитерацией. Текст перевода близок к народному стиху, который выливается в развернутое следование близких по смыслу поэтических выражений.

В тексте перевода важно отметить одно существенное изменение: опущение строки «Моих недремлющих врагов». Причина трансформации – субъективная, так как переводчик руководствовался целью адаптировать текст оригинала к восприятию якутского читателя, далекого от передовых идей освободительного движения изображаемой Лермонтовым эпохи.

Переводческая деятельность другого основоположника якутской литературы П. А. Слепцова-Ойунского также отражала основные идеи его революционной и общественной деятельности. Для перевода он отбирал, прежде всего, такие произведения, которые отвечали требованиям своего времени и были близкими ему по духу и настрою. Так, в начале своего поэтического творчества он обратился к переводам «Интернационала» А. Я. Коца (1921) и стихотворения Ш. Петефи «На виселицу королей!», для которых был характерен яркий публицистический накал, строгое строфическое деление, четкость ритма. По-новому для якутской поэзии того времени прозвучал вольный перевод отрывка из «Фауста» Гете «Горечь утраты» (1924), а именно, мотив грусти и отчаяния, трагической истории любви. Также П. А. Ойунский одним из первых поэтов обратился к переводу творчества А. С. Пушкина, в частности, его стихотворения «Туча» (1924). Эти переводные произведения, как и у А. Е. Кулаковского подверглись интерпретации в соответствии с субъективным восприятием переводчика и его желанием адаптировать некоторые моменты к сознанию якутского читателя. Он также привносит в тексты иноязычных авторов особенности своего родного словесного творчества. При этом переводчику удалось сохранить содержание текста и передать общее настроение оригиналов.

Переводы П. А. Ойунского основаны на поэтических средствах фольклорной поэзии, однако реализуются в новой для якутской поэзии ритмической системе силлабического стихосложения. В отличие от поэтического перевода А. Е. Кулаковского, максимально приближенного к тематике и поэтике якутского эпического произведения, новаторство П. А. Ойунского проявилось в освоении следующих иноязычных традиций: идейный пафос, интонационно-ритмический строй. Например, при помощи перевода он осваивает интонационно-ритмическую структуру декламационного стиха с соответствующим ему публицистическим пафосом. Если у Кулаковского доминантой были отклонения субъективного характера, то у Ойунского они обусловлены, прежде всего, объективной причиной, например, в зависимости от специфики ритмико-композиционной структуры, стихового строя, рифмы, лексического состава и т.д. Например, в гимне А. Я. Коца «Интернационал» в самых сжатых фразах были сформулированы главные идеи революции, которую переводчик должен воспроизвести на своем языке. П. А. Ойунский попытался в определенной степени эквивалентно передать не только содержание, но и ритмико-композиционную структуру оригинала. В переводе сохранены слоговой состав в стихах, рифма, а также основные фигуры ораторской речи (обращение, воззвание и т.п.), свойственные

агитационной поэзии. Не обошлось и без изменений: П. А. Ойунский выбирал слова, заменял их, перечеркивал, находил наиболее эквивалентные формулы революционных призывов с соответствующей поэтической лексикой, стремясь подогнать их под интонационно-ритмический строй маршевого гимна.

Таким образом, в переводах П. А. Ойунского («Интернационал» А. Я. Коца, «Туча» А. С. Пушкина) не наблюдается отклонений в передаче строфической организации и рифмы. Однако силлабо-тоническая система преобразуется в традиционную для якутской поэзии силлабическую систему стихосложения с сохранением слогового состава стихов. Некоторым отступлением может выступать лишь использование переводчиком аллитерации, традиционного средства ритмической организации народного стиха. Данные отклонения являются объективными, так как зависят от специфики стихового строя. Субъективными являются трансформации в образной системе стихотворения, так как они мотивированы ассоциативным восприятием П. А. Ойунского, спецификой его национального самосознания, а также стремлением переводчика адаптировать текст для якутского читателя.

Как показал текстуальный анализ, в переводах основоположников якутской поэзии отступления, трансформации, интерпретации были неизбежны. Они обусловлены, прежде всего, национальной самоидентификацией переводчика, находящей свое отражение в семантике, тематике, образах, мотивах, языковом строе, композиции, стиховой организации. Если в переводе А. Е. Кулаковского при намеренном отклонении от текстов оригинала первостепенную роль играла ориентация на доступность для якутского народа, адаптация для читательского восприятия, то у П. А. Ойунского мы уже наблюдаем объективную причину отклонений: необходимость переводческих отклонений в соответствии с воспринимаемыми ритмико-композиционным особенностями текста оригинала.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 190 с.
2. Башарина З. К. Взаимодействие русской и якутской литературы: учеб. пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отношения, 1980.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высш. школа, 1990. 253 с.
5. Куракина Т. С. Среди поэтических строк А. С. Пушкина: к вопросу о лингвистическом анализе стихотворения А. С. Пушкина «Туча» в 5 классе [Электронный ресурс] // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: материалы международной научной конференции. URL: <http://www.ksu.ru/science/news/pushkin/sod.htm> (дата обращения: 21.03.2011).
6. Литература Якутии XX века: историко-литературные очерки. Якутск: Ин-т гуманитар. исследований АН РС (Я), 2005. 728 с.
7. Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии. Новосибирск: Наука, 2002. 255 с.
8. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высш. школа, 2006. 335 с.
9. Покатилова Н. В. Становление литературы: очерки по якутской раннелитературной традиции. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 84 с.
10. Сыромятников Г. С. Идейно-эстетические истоки якутской литературы. Якутск: Кн. изд-во, 1973.
11. Хабибуллина А. З. Переводы стихотворений Пушкина Тукаем: эстетическая интерференция [Электронный ресурс] // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: материалы международной научной конференции. URL: <http://www.ksu.ru/science/news/pushkin/sod.htm> (дата обращения: 21.03.2011).
12. Языковые и культурные контакты различных народов: сборник статей международной научно-методической конференции. Пенза: Приволжский дом знаний, 2010. 244 с.

LITERARY TRANSLATION IN YAKUTSK POETRY OF THE 1920S: INTERCULTURAL DIALOGUE FEATURES

Viktoriya Dmitrievna Yakovleva, Ph. D. in Philology
Sector of Literature Studies

*Institute of Classical Researches and Northern Smaller Peoples Problems
Russian Academy of Sciences (Branch) in Siberia
Vikt80@mail.ru*

The author analyzes the problem of the equivalence between translation and original text in terms of semantic and formal-aesthetic structures, pays special attention to the determination and classification of translation interpretations, which are the unchangeable elements of translation style and first of all conditioned by an interpreter's national self-identification; and defines transformational actions as subjective and objective ones.

Key words and phrases: literary translation; equivalence; creative interpretation; semantic and formal-aesthetic text structure.